

С. СМОЛЯКОВ

РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ

ПРОЧИТАНЫ две книжки и испытаны две радости. Именно две: та и другая книжка доставила свою, особую радость, хотя каждая из радостей омрачена, к сожалению, и своей долей авторских промахов.

Речь идет о сборнике стихов Анатолия Коржикова «Крылья», изданном во Владивостоке, и о сборнике Константина Овечкина «Здравствуй, друг!», вышедшем в Благовещенске¹.

У первого автора это — первая книжка. У второго — третья. Оба они знакомы нашему читателю по стихам, печатавшимся на страницах журнала «Дальний Восток».

Путь становления поэтического мастерства не у всех авторов одинаков. Бывает, что последующая книжка подчас оказывается слабее, чем предыдущая. Вот почему с интересом и с известной тревогой открываешь новые стихи Овечкина: что в них окажется нового и в какой мере?

Отрадно, что новое в третьей книжке Овечкина есть: это стихи, навеянные его туристской поездкой по Китаю. Автор — в недавнем прошлом офицер Советской Армии, сражавшийся в свое время против японских захватчиков. Нам сразу интересно: какие перемены увидел поэт в Китае, давайте и мы взглянем его глазами на труженников знакомой нам свободной земли!

В цикле «Здравствуй, друг!», давшем заглавие сборнику, как раз больше всего хороших стихов. Это — «Джалинда», «Здесь был азот», «В Пекине», «У памятника Сунь Ят-сену», «Пагода», «В поезде», «Письмо», а также переводы из молодых китайских поэтов, объединенные подборкой «Строки друзей».

Автор удачно отобрал для перевода стихи

¹ Виталий Коржиков. Крылья. Стихи. Владивосток, 1957, стр. 92, тираж 5 000 экз., цена 1 р. 75 к.

Константин Овечкин. Здравствуй, друг. Стихи. Благовещенск, 1958, стр. 112, тираж 2 000 экз., цена 2 р. 65 к.

своих китайских коллег — они разнообразны по тематике, рисуют различные стороны жизни наших соседей. Здесь и лирический гимн своей родине, ее просторам:

Кони мчатся стрелой по степи,
Мчатся — их не догнать...
Но им просторы этой земли
И за год не обскать...

(Мэй Ли-чжэ, «Солнце незакатное»).
Здесь и влюбленные молодожены, в тележке с гаоляном возвращающиеся поздним вечером с поля (Хэ Ли «Богатый урожай»).
Здесь и солдат, стирающий рубаху в реке, на берегу которой девушка молотит чумизу... «Это не мужская работа», — говорит девушка и принимается стирать сама. Солдат отвечает ей:

Каждый отлично знает:
Девушка лучше стирает.
Но — лучше молотит мужчина!

Так они, к взаимному удовольствию, помогли друг другу. Событие простое, но как тепло рассказано о нем в стихах! (Ли Мо «На току»).
Здесь и старик, повествующий сказку-быль, которую ему

... о делах в пустыне
нефтяники говорили.

(Чжан Чжи «Чудеса в пустыне»).
Об отъезде молодежи на новостройки говорит в своем стихотворении «На далекое место» Цзо Янь-сянь. Об исконном китайском острове, захваченном чужеземцами, гневно тоскует в своих стихах «На Тайвань, моя песня, лети» поэт Хэ Кэй.

Всё это умело, с проникновением в авторский текст, переведено К. Овечкиным.

Так же теплы, проникновенны и его собственные стихи о Китае. Искренним, неподдельным чувством дружбы и любви к труженникам братской земли звучат строки стихотворения К. Овечкина «В поезде» (по дороге от Гуанчжо до Уханя):

Нависла низко над дорогой
Громада серых древних скал.
Ущелья, выступы, пороги...
Мне вдруг припомнился Байкал...
...Дышалось мне легко, свободно.
Я окрылен был мыслью той,
Что мы природой даже сходны,
Как сходны сердцем и душой.
Хребтов таинственная прелесть
Меня звала, влекла в пути.
И мне всё это захотелось
Хотя бы в строчке увезти.

Это авторское желание, прямо скажем, в значительной мере удалось: многие строки Овечкина о Китае не могут не порадовать читателя. В то же время поездка помогла поэту как-то острее, пристальнее взглянуть и в родное Приамурье, найти яркие строчки и для показа того, что ему, судя по тускловатому уровню многих прошлых стихов, казалось привычным, примелькавшимся.

Вот читаем стихи об электролинии в степи. Казалось бы, чего привычнее. А строки стали куда ярче. Поэт увидел, что

Березки со столбами теми...
Как будто бы вошли в систему
Высоковольтных передач.

Или о «зеленой улице» для амурского хлеба. Здесь уже не риторика, а живое, прочувствованное слово:

По солнечным просторам
Амурской стороны
Летит состав товарный:
— Я с целины!
И, станции минуя,
На весь таежный край
Гремят вагоны дружно:
— Дорогу дай!..

Просто и без претензии. А стихотворение «Ходи-гляди»? Трудно удержаться, чтобы не процитировать его целиком (правда, опустив последние четыре вовсе ненужных строки):

В тропках-дорожках лесной наш край.
Ходи — шагай.
Кедры стоят к одному один.
Смотри — гляди.
Брусника в траве, будто капли зари.
Собирай — бери.
Под горкою чистый, как слезы, ручей.
Припадай — пей.
Устал ты — в колхозном дому огни,
Входи — отдохни.
И если, покинув лесной наш край,
Вздохнешь, — вздохай.

Может, кому из любителей словесной «закрученности» и не поглянется это, но на наш взгляд — это как раз то, к чему так нелегко «продирался» поэт Овечкин сквозь дебри риторики. Это и следует ему развивать в себе впредь: простоту, задушевность и искренность передаваемого чувства. Потому что содержание у него всегда было,

а вот находок, живинок поэтических не всегда хватало...

А теперь — об огорчениях, упомянутых выше. Прямо обидно видеть такое в книжке:

Теперь пришли сюда машины,
Чтоб целину поднять в полях (?)
И ночью глянешь — вся долина
А не одно село — в огнях...

Правильно... но разве это поэзия? Прямотаки нотариусом заверенный штамп, применяемый в тысячах ученических стихов!

Продолжить надо автору и работу над отделкой строк, выработать вкус к четкости ритма, рифмы:

И легла грусть у глаз (глагрусть)...
Что она есть парнишке не даст (наесть)...
С тоски сам не свой (кисам)... и т. д.

Это трудно читается. Вспомним злые слова Маяковского о строчках «Бедный конь в поле пал»... А когда такого много в книжке, то впечатление и от хороших стихов снижается.

Рифма и глагольной может быть, когда она к месту. Но если в добротном тексте рифмуются подряд: в одном стихе — дремучие-лучшие, влюбленные-оглушенные, уходили-находили, верховые-родные.

Или: продавили-позабыли, лежит-висит.

Или совсем не рифма: рассвете-пометки, никуда-сорванца, узкие-хрупкие и даже самолет-перелет.

Или: привыкаешь—мечтаешь, начинаешь-заскучаешь, переплывешь-поймешь, — то тут и в самом деле заскучаешь. И не поймешь. Потому что, раздражая, такая рифма отвлекает читателя от восприятия поэтической мысли. Это уже небрежность автора.

Теперь о смысловой четкости строк. Читаем:

С ней на врага я на фронте ходил...

Зачем здесь одно лишнее слово, когда впереди речь — о войне?

Ходят в кедрах ветры верховые,
Запевают нежно, как свирель...

Неужели автор не слышал шума кедров, если сравнивает его со свирелью?

«И он молотилку взял» (в руки). Это — о солдате, который помог девушке молотить чумизу. Речь, видимо, шла не о машине, а каком-то другом орудии труда?

Стихотворение «Мэй» начинается строчками:

Пуля-дура в грудь мою вошла.
Я лежал на койке без движенья...

Автор не почувствовал кричащей неловкости такого сочетания: сами по себе строки — о трагически-высоком, а вместе они отдают неуместной пародией. В разделе «Твои глаза» есть немало по-хорошему песенных строф, которые прямо-таки просят музыки. И очень обидно, что рядом, в сти-

хотворении «Руки девушки», автор, не вдавшись в текст, допускает невольную бестактность: герой говорит о руках девушки, которые «столько... узнали разного железа... все в садинах, в порезах, в мазуте» — и патетически восклицает:

О, как бы я их целовал!

Думается, это — излишне «ура-механизаторское» отношение к лирике. Лучше целоваться после смены — мазута не будет, и духи у девушки найдутся. Не продумал автор и сказал не то.

Константину Овечкину, достаточно опытному поэту, не следует, пожалуй, и забывать чужих ранее читанных строк, ибо они иногда проникают в его стихи и отводят внимание от его темы:

А это — забывать нельзя...
(А это — надо понимать...)
Здесь даже тополь, как солдат,
Стоит на страже у реки...
(Здесь даже клены, как на страже,
Как часовые на посту...)
Как заходят проворные руки ее,
Так и сердце от счастья зайдется мое...
(Как я имя твое назову,
Так заходится сердце мое...)

Дело не в простом сходстве строк, а в том, что это — из уже знакомых стихов других поэтов, стихов близких по теме, по ритму, по самому строю образов. Совершенствование собственного поэтического голоса — по-прежнему остается задачей поэта.

Таковы радости и огорчения от нового сборника стихов К. Овечкина. Радостей, к счастью, больше.

Стихотворный сборник Виталия Коржикова «Крылья» открываешь с большим интересом: первая книжка поэта! От начальных страниц испытываешь чувство неудовлетворенности: очень уж риторичны стихи «Стремительность» и «Рождение сталевара». Но дальше — стихи захватывают. В книжке есть настоящая поэзия. Весь первый раздел пронизан страстной любовью к людям труда, особенно к молодежи, и не менее страстным презрением к тем, кто хочет у нас остаться белоручкой, — ко всякого рода любителям «западного», ревизионистам.

В стихотворении «Аттестат зрелости» поэт говорит об этом безо всяких обиняков:

Слушай, ты, — изнеженный сынок!
Нас крестило время по вокзалам,
С воинской повесткой в аттестатах
В руки нам вручало автомат
И вело, худых и угловатых,
За ютцами вслед в военкомат...

Очень уместно помещенное перед этим стихотворение «Последний бой» (о героях Брестской крепости), как напоминание о

высоком гражданском долге. Им бы и следовало открыть сборник «Крылья».

Мысль накаленно-публицистического стихотворения «Аттестат зрелости» продолжает сюжетное стихотворение «В трамвае». Пижон с повадками спортсмена по пути в Лужники толкнул паренька в спецовке: мол, как тебе понять спортивный пыл! И поэт ядовито заключает, что паренек и не мог понять толкнувшего:

Он не вершил эффектных дел...
К борцам такой руки
Он отношенья не имел —
Он строил Лужники.

Очень убедительно и веско! Больше слов и не надо.

Раздел «Новоселье» — это стихи, воспевающие скромных героев «строителей Лужников» на востоке Родины. Стихи правдивые, написанные человеком, хорошо знающим этих людей. Потому они и трогают.

В лирическом цикле «Подснежник» особенно радует стихотворение «Марки». Поэт сообщает, что

...марка письму —
Как билет пассажиру.

Но есть назначение у марки иное, — продолжает он, и через простой рассказ о том, как мальчишки собирают марки, В. Коржиков очень тонко и выразительно решает тему дружбы, взаимного уважения между народами. Поэт хочет, чтоб на марках не было

Ни черного дыма,
Ни взвинченной пыли,
Чтоб всходы на марках
Зелеными были...
Чтоб были на марках
Различного цвета
Лишь ясные краски
Цветущей планеты!

Здесь не сказано: «Долой войну!», но читатель это слышит.

В. Коржиков умеет создать зрительно-осязаемый образ. Вот строки из картины приморского утра:

К валунам, до синего отрога,
Струйкой дыма стелется дорога.
И вдали свирепая тайга
Солнце поднимает на рога.

Непосредственна и мила в этом разделе сказка-шутка про Шехерезаду, которая вышла за удачливого джина.

Закрывающий книжку раздел «Морские обитатели» представляет собой своеобразный жанр. Остроумно и метко описывает автор морских жителей — кита, светлячка, медузу, морскую звезду, краба, осьминога, морскую иглу, коралл. Это почти научное описание, но в нем — и мораль, одинаково доходчивая и поучительная как для детей, так и для взрослых.

